

Лу
Синь

Подлинная
история
А-кью

Санкт-Петербург

УДК 821.581
ББК 84(5Кит)-44
Л 82

魯迅
阿Q正傳

Перевод с китайского
Алексея Рогачева, Владимира Рогова

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева-мл.

Иллюстрации Фэн Цзыкая

ISBN 978-5-389-30765-0

© А. П. Рогачев (наследники), перевод, 2025
© В. Н. Рогов (наследник), перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

Подлинная
история
А-кью

Предисловие автора
к первому русскому переводу
«Подлинной истории А-кью»

Я очень благодарен Б. А. Васильеву, знатоку китайской литературы, за перевод моей небольшой повести и очень рад тому, что она предстанет перед русским читателем.

Сумел ли я отобразить душу современного китайца? Несмотря на мои попытки, это мне в конце концов не очень удалось. Не знаю, что скажут другие, но мне кажется, будто каждый из нас окружен высокой стеной, будто стены отделяют нас друг от друга и мешают нам общаться. Когда-то наши древние умники, так называемые мудрецы, установив отличие высших от низших, разделили все население на десять сословий. И хотя старым разделением теперь не пользуются, но дух его все живет, да притом еще доведен до крайней остроты — различия появились даже в теле каждого человека, так что руки стали презирать ноги как нечто низменное.

Природа породила человека чрезвычайно искусно — ни один не может почувствовать физических мук другого. Но наши мудрецы и их последователи поспешили еще увеличить пробел, оставленный

природой, чтобы ни один не смог понять и душевных мук другого.

Кроме того, наши древние изобрели очень сложную письменность, высекая знаки, точно глыбу за глыбой. Я, впрочем, не особенно обижался на них, у них не было злого умысла. Однако многие были лишены возможности говорить, не смели даже думать, вследствие высоких стен, возведенных из древних поучений. То, что теперь доступно нашему слуху, — это всего лишь взгляды и «истины» последователей немногих мудрецов, созданные ими для самих себя. Простой народ, хилый и увядший, словно пробивающаяся из-под огромного камня трава, четыре тысячи лет жил в молчании...

Обрисовать глубоко молчаливую душу китайского народа — дело трудное. Мы в конце концов все же очень древний народ и еще не дошли до реформ. Вот почему все у нас друг с другом разобщены, и даже собственные руки не понимают собственных ног. Но как ни стремлюсь я добраться до этой души, я постоянно натываюсь на какую-то отчужденность. Окруженный высокой стеной народ когда-нибудь должен очнуться, вырваться из-за этой стены и заговорить. А пока этого не случилось, я могу писать о жизни китайцев, основываясь лишь на собственных отдельных наблюдениях.

Мою повесть, едва вышедшую в свет, сначала подверг осуждению некий молодой критик. Затем одни объявили ее порочной, другие — шутовской, третьи — сатирой, а некто даже нашел в ней хо-

лодное издевательство. Тут я и сам стал в страхе подозревать, что вместо сердца у меня лед. Но все же я подумал, что каждый писатель видит человеческую жизнь по-своему, да и каждый читатель воспринимает произведение по-своему. Для меня будет иметь огромное значение, если русские читатели, не зараженные нашей «традиционной мыслью», увидят в моей повести нечто иное.

Май 1925 г.

I

Введение

Вот уже не один год я собираюсь написать подлинную историю А-кью, но все колеблюсь, и уж одно это доказывает, что я не из числа тех, кто «оставляет поучение в слове». Всегда так бывает: кисти бессмертных пишут о бессмертных; люди становятся бессмертными благодаря бессмертным произведениям, произведения становятся бессмертными благодаря бессмертным людям, и теперь уже совершенно непонятно, что от чего зависит. И все же дернул меня черт взяться писать биографию А-кью.

Но едва я взялся за кисть, чтобы написать это недолговечное сочинение, как передо мной сразу же возникли непреодолимые трудности.

Первая — как назвать сочинение. Еще Конфуций сказал: «Если название неправильно, то и слова не повинуются». На это следует обратить особое внимание. Названий для подобных биографических трудов очень много: биография, официальная биография, автобиография, частная биография, неофициальная биография, до-

полнительная биография, семейная биография, краткая биография... жаль только, что все они не подходят для моего сочинения. «Биография»? Но мое сочинение недостойно того, чтобы его ставить в один ряд с биографиями великих людей, и оно не войдет в «династийную» историю. «Автобиография»? Но ведь я не А-кью. «Неофициальная биография», «Официальная биография» — тоже не годится. Ведь «Неофициальная биография» обычно пишется о святом, а А-кью вовсе не святой. Просто «Официальная биография»? Но А-кью никогда не удостоивался правительственной награды в виде указа президента республики, предписывающего департаменту геральдики составить его генеалогию. Хотя и утверждают, что в исторических анналах Англии нет «биографий игроков», но знаменитый писатель Диккенс все же написал «Частную биографию игрока». Однако то, что дозволено прославленному писателю, совершенно непозволительно такому, как я. Затем идет «Семейная биография». Но я не знаю, есть ли у меня с А-кью общие предки, а его потомки никогда не просили меня написать его биографию. Может быть, озаглавить мое сочинение «Краткая биография»? Так ведь у А-кью не было другой, «Полной биографии». Скорее всего, это, пожалуй, будет «Генеалогия». Но само содержание, грубый стиль и язык, как у «возчиков и уличных торговцев соей», не позволяют мне

назвать так свое сочинение. Писатели, не принадлежащие ни к трем религиозным школам, ни к девяти философским течениям, обычно пишут: «Довольно праздных слов, перейдем к подлинной истории!» И вот я решил озаглавить мое сочинение двумя словами: «Подлинная история». Если же кто-нибудь спутает его с теми названиями, которые в древности присваивались сочинениям других жанров (например, «Подлинная история каллиграфического искусства»), то здесь уж ничего не поделаешь.

Вторая трудность состояла в том, что, по установленному порядку, каждая биография должна начинаться словами: «Такой-то, по прозвищу такой-то, родом оттуда-то...» А я не знал даже фамилии А-кью! Однажды я подумал было, что его фамилия Чжао, но уже на следующий день усомнился в этом. А дело было вот как: сын почтенного Чжао добился наконец ученой степени сюцая, и об этом, под удары гонгов, официально оповестили всю деревню. А-кью, который только что влил в себя две чашки желтого вина, размахивая руками, заявил, что это и для него почет, так как он, в сущности, принадлежит к одной фамилии с почтенным Чжао, и если тщательнее разобраться в родстве, так он на три степени старше, чем сюцай. После этого заявления все присутствующие сразу же прониклись уважением к А-кью. Ведь никто не знал, что на следующий

день староста деревни позовет А-кью в дом почтенного Чжао и что почтенный Чжао, едва увидев его, покраснеет и закричит:

— А-кью, тварь ты этакая!.. Ты хвастал, что принадлежишь к нашей фамилии?

А-кью молчал.

Тут почтенный Чжао так разъярился, что подскочил к нему и заорал:

— Как ты смеешь нести такой вздор? Разве могу я быть одного с тобой рода? И разве твоя фамилия Чжао?

А-кью продолжал молчать, придумывая, как бы улизнуть, но тут почтенный Чжао вплотную подошел к нему и дал пощечину:

— Воображает, что он из рода Чжао! Да разве достоин ты такой фамилии?..

А-кью и не пытался настаивать на том, что его фамилия действительно Чжао, и лишь молча потирал щеку. Наконец в сопровождении старосты А-кью выбрался на улицу. Тут он получил от старосты должное внушение и отблагодарил его двумястами медяков на вино. Узнавшие об этом происшествии решили, что взбалмошный А-кью сам напросился на пощечину и что вряд ли его фамилия Чжао; но даже окажись его слова правдой — все равно было бы глупо болтать об этом, раз уж в деревне живет почтенный Чжао. После этого случая никто больше не интересовался фамилией А-кью. Так она и осталась неизвестной.

Третья трудность — я не знал, как пишется имя А-кью. При жизни все звали его А-кью, а после смерти его имени вообще никто не поминал. Где уж тут быть «древним записям на бамбуке и шелке»!

Это сочинение можно считать первым сочинением об А-кью, и потому естественно, что передо мной сразу же возникла означенная трудность. Я долго думал, как пишется это самое «А-кью»: «А-гуй» — через иероглиф «гуй», обозначающий «лунный цветок», или «А-гуй» — через «гуй», обозначающий «знатность». Если бы его звали «Юэ-тин» — «лунный павильон», или если бы он родился в августе, когда цветет «гуй», «лунное дерево», тогда я, конечно, написал бы «А-гуй» в значении «лунный цветок». Но ведь у него не было даже прозвища (а может быть, и было, но никто его не знал). Неизвестен был также день его рождения, поскольку писателям никогда не рассылались извещения с просьбой сочинить что-нибудь в честь этого дня, так что писать «А-кью» иероглифом «гуй» в значении «лунный цветок» значило бы допустить вольность. Вот если бы у него был старший или младший брат по прозвищу «А-фу» — «богатство», тогда по аналогии можно было бы написать его имя иероглифом «гуй», обозначающим «знатность». Однако родни он не имел, значит писать так тоже не было оснований. Как-то я заговорил об этом с господином сюцаем, сыном почтенного

Чжао. Но кто бы мог подумать, что такой высокообразованный человек окажется несведущим?

Правда, он заметил, что исследовать интересующий меня вопрос невозможно, потому что издаваемый Чэнь Ду-сю журнал «Новая молодежь» стал ратовать за иностранные буквы, отчего наша культура утратила свою самобытность. Тогда я прибег к последнему средству — поручил одному моему земляку исследовать судебные документы, связанные с делом А-кью. Восемь месяцев спустя он ответил мне, что в этих документах не упоминается человек с таким именем. Не знаю, действительно ли там нет такого имени или он не сумел найти его, — во всяком случае, у меня не оказалось других способов узнать об этом. Мне очень совестно, но если даже господин сюцай не знает, какой нужно писать иероглиф, то чего же требовать от меня? Боюсь, что китайский фонетический алфавит еще не приобрел у нас широкой популярности, поэтому мне приходится прибегнуть к «заморским буквам»: A-Quei, сокращенно же — A-Q¹. Пытаясь написать это имя, я прибег к распространенной английской транскрипции. Это, безусловно, может показаться слепым подражанием журналу «Новая молодежь», о чем очень сожалею, но если даже господин сюцай несведущ, то могу ли я успешно выйти из положения?

¹ В данном издании A-Q обозначено русскими буквами.

Четвертая трудность — вопрос о родине А-кью. Носи он фамилию Чжао, можно было бы, опираясь на старый обычай, согласовывать фамилии с названиями провинций, справиться по «Фамильным записям провинций», где говорится, например: «Родом из Тяньшуя провинции Ганьсу». К сожалению, фамилия А-кью неизвестна, поэтому и нельзя выяснить, где его родина. Он чаще жил в деревне Вэйчжуан, но часто бывал и в других местах, так что вэйчжуанцем его назвать нельзя. Если же написать «родом из Вэйчжуана», то это будет противоречить точному историческому методу.

Меня утешает лишь то обстоятельство, что, по крайней мере, приставка «А» вполне достоверна, в ней нет никакой ошибки, ее можно рекомендовать вниманию знатоков. Что же касается всех остальных затруднений, то при моей невысокой эрудиции одолеть их невозможно. Остается лишь одна надежда, что «любители истории и текстологии», такие как ученики господина Ху Ши, смогут, пожалуй, представить много новых данных по этому вопросу, но к тому времени, боюсь, моя «Подлинная история А-кью» будет предана забвению.

Все вышесказанное можно считать введением.

II

Вкратце о блестящих победах

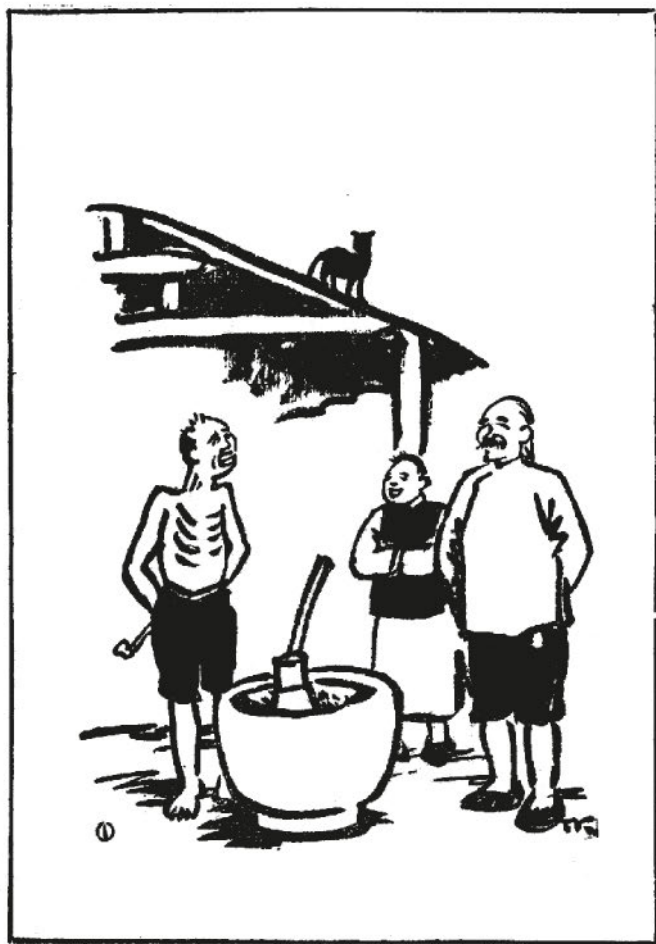
Не только фамилия и место рождения А-кью, но даже его прошлые «деяния» были покрыты мраком неизвестности. Жители деревни Вэйчжуан требовали от него только поденной работы да насмехались над ним; его «деяниями» никто не интересовался. Сам А-кью никогда о них не рассказывал; только, поругавшись с кем-нибудь, он тарашил глаза и орал:

— Мои предки намного знатнее твоих! А ты что собой представляешь?

В Вэйчжуане А-кью жил в храме Бога земли, он не имел ни семьи, ни определенных занятий — был простым поденщиком. Нужно было жать пшеницу — он жал; нужно было очищать рис — очищал; нужно было грести — греб. Если работа затягивалась, он переселялся в дом хозяина, к которому нанялся, но, закончив работу, сразу же уходил. Поэтому во время страды, когда А-кью был нужен, о нем вспоминали — вернее, вспоминали о его руках, способных выполнять ту или иную работу, а после страды о нем быстро забы-

вали. Что же тут было говорить о «деяниях»? Никто о них и не думал. Только однажды какой-то старик, глядя на А-кью, обнаженного до пояса, тощего и усталого, одобрительно заметил: «А-кью — настоящий мастер». Никто не знал, всерьез это было сказано или в насмешку, но А-кью остался очень доволен.

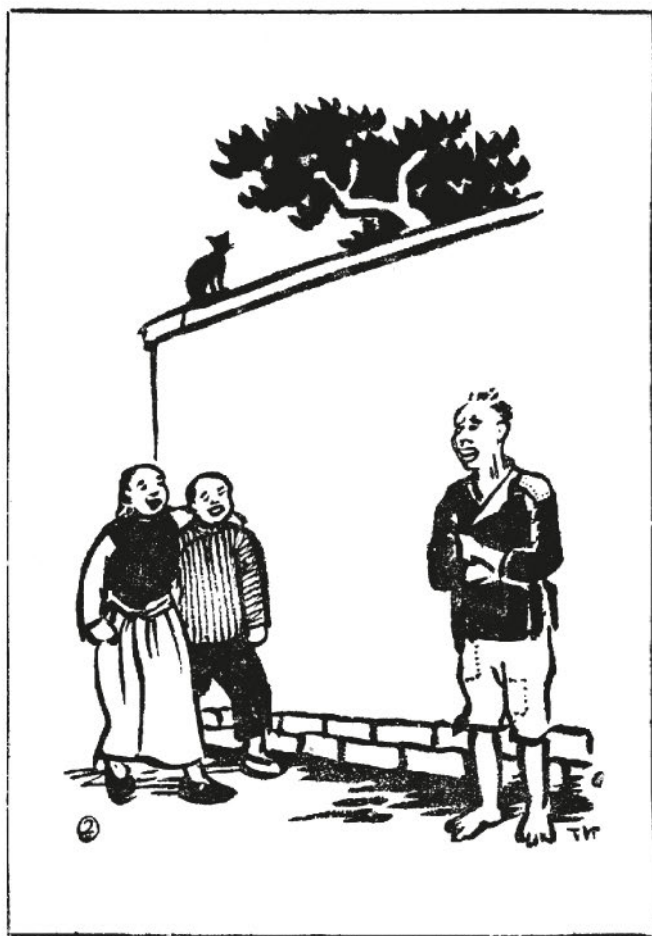
Вообще-то, А-кью был о себе весьма высокого мнения, а всех остальных жителей Вэйчжуана ни во что не ставил, особенно двух местных «грамотеев». По его мнению, они не стоили даже насмешки. Однако в будущем они могли, пожалуй, стать сюцаями. Один из них был сыном почтенного Чжао, другой — сыном почтенного Цяня; и Чжао и Цянь пользовались уважением односельчан не только за свое богатство, но и благодаря таким ученым сыновьям. Один лишь А-кью не выказывал грамотеям особого уважения и думал про себя: «Мой сын мог быть познатнее их». К тому же А-кью несколько раз бывал в городе и от этого еще больше вырос в собственных глазах. Однако горожан он презирал за их чудачества. Деревянное сиденье в три чи длиной и три цуня шириной вэйчжуанцы называли просто «лавкой», как и сам А-кью, а горожане говорили «скамья», — и он думал: «Неправильно говорят... вот чудаки!» Рыбью голову, поджаренную в масле, вэйчжуанцы приправляли зеленым луком в полцуня длиной, а горожане лук нарезали мелко,

и А-кью опять думал: «Неправильно делают... вот чудаки!» Однако вэйчжуанцы в его глазах были просто неотесанной деревенщиной, не знающей света: ведь они понятия не имели, как жарят рыбу в городе!

А-кью, с его «именитыми предками», высокими званиями, да притом еще «настоящий мастер», был бы, в сущности, почти «совершенным человеком», если бы не кое-какие физические недостатки. Особенно неприятно выглядели плешины — след неизвестно когда появившихся лишаев. Хотя плешины и были его собственные, но они, по-видимому, ничего не прибавляли к его достоинствам, потому что он запрещал произносить при нем слово «плешь», а также и другие слова, в которых содержался какой-либо неприятный намек. Постепенно он увеличил число запрещенных слов. «Свет», «блеск», а потом даже «лампа» и «свечка» стали запретными. Когда этот запрет умышленно или случайно нарушали, А-кью приходил в ярость, краснел до самой плеши и, смотря по тому, кто был его оскорбителем, либо ругал его, либо, если тот был слабее, избивал. Впрочем, избитым почему-то чаще всего оказывался сам А-кью. Поэтому он постепенно изменил тактику и стал разить своих противников только гневными взглядами.

Кто бы мог подумать, что из-за этой системы гневных взглядов вэйчжуанские бездельники будут еще больше насмехаться над ним?

Лу Синь

Л 82 Подлинная история А-кью : повесть и рассказы / Лу Синь ; пер. с кит. В. Рогова, А. Рогачева. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 288 с. : ил. — (Изящная классика Востока).

ISBN 978-5-389-30765-0

«Подлинная история А-кью» — маленький шедевр китайской литературы начала XX века, первое произведение, в полной мере раскрывающее богатство разговорного китайского языка. Повесть моментально получила международное признание и вывела творчество Лу Синя на мировой уровень. Она была переведена более чем на тридцать языков, вошла в список 100 величайших историй всех времен по версии BBC и стала основой многочисленных адаптаций — драматических постановок, фильмов и даже балетов.

Изначально Лу Синь написал эту повесть под псевдонимом «Ба Жэнь» («грубиян»), и впервые она была опубликована в приложении к газете в виде серии рассказов. Особый сатирический эффект достигался контрастом между образом главного героя — обедневшего батрака А-кью, человека совершенно не героического, лицемерного и глуповатого, однако претендующего на «духовное превосходство», — и формой повествования, характерной для классических китайских романов.

В настоящем издании «Подлинная история А-кью» выходит с оригинальными иллюстрациями китайского художника-графика Фэн Цзыкая. Помимо заглавной повести, в книгу входят избранные рассказы Лу Синя.

УДК 821.581

ББК 84(5Кит)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ЛУ СИНЬ

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ А-КЬЮ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректоры Нина Писковитина, Людмила Дубовая

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 20.10.2025.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 12,69. Заказ №

Издательство:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-CEL-39962-01-R